

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

СТАЛКЕР

литературная запись кинофильма
(режиссер Андрей Тарковский)

Титры. За титрами сумрачный; нищий бар. Сначала в нем пусто, затем появляется бармен, зажигает свет. Входит Профессор, бармен подает ему кофе и уходит за стойку. Профессор пьет кофе. Кончаются титры, на экране текст:

...Что это было? Падение метеорита?
Посещение обитателей космической бездны?
Так или иначе, в нашей маленькой стране
возникло чудо из чудес - ЗОНА.
Мы сразу же послали туда войска.
Они не вернулись.
Тогда мы окружили ЗОНУ полицейскими кордонами...
И, наверное, правильно сделали...
Впрочем, не знаю, не знаю...

Из интервью лауреата Нобелевской премии
профессора Уоллеса корреспонденту RAI

Полутемная комната, у задней стены - кровать; на ней - Сталкер, его жена и дочь. Слышен шум проходящего поезда. Жена и дочь спят, Сталкер лежит неподвижно и смотрит на дочь. На стуле рядом с кроватью вата, какое-то лекарство и стакан с водой.

Сталкер потихоньку встает, снимает часы со спинки кровати, надевает брюки и сапоги. Выходит и, не сводя глаз с жены и дочери, прикрывает дверь. Идет на кухню, умывается.

Вспыхивает и перегорает лампа.

В дверях появляется жена; в руках у нее стерилизатор.

ЖЕНА. Ты зачем мои часы взял? Куда ты собрался, я тебя спрашиваю?! Ведь ты же мне слово дал, я же тебе поверила! Ну, хорошо, о себе ты не хочешь думать. А мы? Ты о ребенке своем подумай! Она же к тебе еще и привыкнуть не успела, а ты опять за старое?!

Сталкер чистит зубы.

ЖЕНА. Ведь я же старухой стала, ты меня доконал!

СТАЛКЕР. Тише, Мартышку разбудишь.

ЖЕНА. Я не могу все время ждать. Я умру!

Сталкер полощет рот, отходит к окну, берет тарелку.

ЖЕНА. Ведь ты же собирался работать! Тебе же обещали нормальную человеческую работу!

СТАЛКЕР (ест). Я скоро вернусь.

ЖЕНА. Ой! В тюрьму ты вернешься! Только теперь тебе дадут не пять лет, а десять! И ничего у тебя не будет за эти десять лет! Ни Зоны, и... ничего! А я... за эти десять лет сдохну! (Плачет.)

СТАЛКЕР. Господи, тюрьма! Да мне везде тюрьма. Пусти!

ЖЕНА. Не пущу! (Пытается его удержать.)

СТАЛКЕР (отталкивает ее). Пусти, тебе говорят!

ЖЕНА. Не пущу!

Сталкер уходит в комнату, возвращается с курткой в руках и выходит на улицу, хлопнув дверью.

ЖЕНА (кричит). Ну и катись! И чтоб ты там сгнил! Будь проклят день, когда я тебя встретила, подонок! Сам Бог тебя таким ребенком проклял! И меня из-за тебя, подлеца! Подонок!

Рыдая, падает на пол и бьется в истерическом припадке.

Слышен шум проходящего поезда.

Выйдя из дома, Сталкер переходит через железнодорожное полотно и

останавливается - очевидно, заметив Писателя. Слышен голос Писателя за кадром.

ПИСАТЕЛЬ. Дорогая моя! Мир непроходимо скучен, и поэтому ни телепатии, ни привидений, ни летающих тарелок... ничего этого быть не может. Мир управляется чугунными законами, и это невыносимо скучно. И законы эти - увы! - не нарушаются. Они не умеют нарушаться.

На экране - Писатель и Дама. Писатель говорит, нервно расхаживая вокруг нее.

ПИСАТЕЛЬ. И не надейтесь на летающие тарелки. Это было бы слишком интересно.

ДАМА. А как же Бермудский треугольник? Вы же не станете спорить, что...

ПИСАТЕЛЬ. Стану спорить. Нет никакого Бермудского треугольника. Есть треугольник а бэ цэ, который равен треугольнику а-прим бэ-прим цэ-прим. Вы чувствуете, какая унылая скука заключена в этом утверждении? Вот в средние века было интересно. В каждом доме жил домовый, в каждой церкви - Бог... Люди были молоды! А теперь каждый четвертый - старик. Скучно, мой ангел, ой как скучно.

Теперь видно, что они стоят у элегантного автомобиля.

ДАМА. Но вы же сами говорили, что Зона - порождение сверхцивилизации, которая...

ПИСАТЕЛЬ. Тоже, наверное, скука. Тоже какие-нибудь законы, треугольники, и никаких тебе домовых, и уж, конечно, никакого Бога. Потому что если Бог - это тот самый треугольник... хм, то и уж просто и не знаю...

Дама кокетливо смеется. Она совершенно выпадает из антуража фильма - со вкусом одета, причесана, оживлена. Писатель, хоть и не выглядит таким пришибленным, как Сталкер, и вполне прилично одет, все-таки принадлежит нищему и грязному миру, который уже проявился на экране.

Писатель видит Сталкера.

ПИСАТЕЛЬ. Э-э... Это за мной. Прелестно! Прощайте, друг милый. Э... извините, м-м... (Сталкеру) эта дама любезно согласилась идти с нами в Зону. Она - мужественная женщина. Ее зовут... э... простите, вас, кажется, зовут... э...

ДАМА. Так вы что, действительно сталкер?

Появляется Сталкер, подходит к машине. Теперь, при дневном свете, видно, что голова его не то обожжена, не то изуродована лишаем.

СТАЛКЕР. Сейчас... Я все объясню. (Подходит к Дале и говорит неразборчиво.) Идите...

ДАМА (Писателю). Кретин!

Садится в машину и уезжает.

СТАЛКЕР. Все-таки напились?

ПИСАТЕЛЬ. Я? В каком смысле? Я просто выпил, как это делает половина народонаселения. Другая половина - да, напивается. Женщины и дети включительно. А я просто выпил. (Глотает из бутылки).

Они подходят к бару. Сталкер проходит внутрь, Писатель на крыльце спотыкается и падает.

ПИСАТЕЛЬ. Черт, поналивали тут...

Бар. За столиком Профессор пьет кофе. Это угрюмый и замкнутый на вид человек. Он в куртке, темной лыжной шапочке, у ног - рюкзак. Сталкер пожимает руку бармену, что-то говорит ему, поворачивается к Профессору.

СТАЛКЕР. Пейте, пейте, рано еще.

В бар вваливается Писатель.

ПИСАТЕЛЬ. Ну что? Может, по стаканчику на дорогу, а? Как вы считаете? (Ставит на стол Профессора свою бутылку, берет у стойки стаканы.)

СТАЛКЕР. Уберите это...

ПИСАТЕЛЬ. А-а, понятно. Сухой закон. Алкоголизм - бич народов. Ну что ж, будем пить пиво. (Идет к бармену, тот наливает ему пива.)

ПРОФЕССОР (Сталкеру). Это что, с нами?

Профессор явно недоволен происходящим.

СТАЛКЕР. Ничего, он протрезвеет. Ему тоже туда надо.

ПИСАТЕЛЬ. А вы что, действительно профессор?

ПРОФЕССОР. Если угодно...

Писатель ставит на стол стаканы с пивом.
ПИСАТЕЛЬ. Ну что ж, в таком случае разрешите представиться. Меня зовут...

СТАЛКЕР. Вас зовут Писатель.

ПРОФЕССОР. Хорошо, а как зовут меня?

СТАЛКЕР. А вас... вас - Профессор.

ПИСАТЕЛЬ. Ага, понятно, я - писатель, и меня, естественно, все почему-то зовут Писатель.

ПРОФЕССОР. И о чем же вы пишете?

ПИСАТЕЛЬ. Ой, о читателях.

ПРОФЕССОР. Ну очевидно, ни о чем другом и писать не стоит...

ПИСАТЕЛЬ. Ну конечно. Писать вообще не стоит. Ни о чем. А вы что... химик?

ПРОФЕССОР. Скорее, физик.

ПИСАТЕЛЬ. Тоже, наверное, скука. Поиски истины. Она прячется, а вы ее всюду ищете, то здесь копнете, то там. В одном месте копнули - ага, ядро состоит из протонов! В другом копнули - красота: треугольник а бэ цэ равен треугольнику а-прим бэ-прим цэ-прим. А вот у меня другое дело. Я эту самую истину выкапываю, а в это время с ней что-то такое делается, что выкапывал-то я истину, а выкопал кучу, извините... не скажу чего.

Сталкер кашляет. Профессор понуро смотрит в стол.

ПИСАТЕЛЬ. Вам-то хорошо! А вот стоит в музее какой-нибудь античный горшок. В свое время в него объедки кидали, а нынче он вызывает всеобщее восхищение лаконичностью рисунка и неповторимостью формы. И все охают, ахают... А вдруг выясняется, что никакой он не античный, а подсунул его археологам какой-нибудь шутник... Веселья ради. Аханье, как ни странно, стихает. Ценители...

ПРОФЕССОР. И вы все время об этом думаете?

ПИСАТЕЛЬ. Боже сохрани! Я вообще редко думаю. Мне это вредно...

ПРОФЕССОР. Ведь невозможно писать и при этом все время думать об успехе или, скажем, наоборот, о провале.

ПИСАТЕЛЬ. Натюрлих! Но с другой стороны, если меня не будут читать через сто лет, то на кой мне хрен тогда вообще писать? Скажите, Профессор, зачем вы впутались в эту... в эту историю? А? Зачем вам Зона?

ПРОФЕССОР. Ну, я в каком-то смысле ученый... А вот вам зачем? Модный писатель. Женщины, наверное, на шею гроздьями вешаются.

ПИСАТЕЛЬ. Вдохновение, Профессор. Утеряно вдохновение. Иду выпрашивать.

ПРОФЕССОР. Так вы что же - исписались?

ПИСАТЕЛЬ. Что? Да-а... Пожалуй, в каком-то смысле.

ПРОФЕССОР. Слышите? Это наш поезд (смотрит на часы).

Сталкер вынимает из кармана темный сверток, Профессор отдает ему ключи - по-видимому, от машины.

СТАЛКЕР. Да, вы крышу с машины сняли?

ПРОФЕССОР. Снял, снял...

Писатель и Профессор выходят на крыльцо.

СТАЛКЕР (бармену). Лютер, если я не вернусь, зайди к жене.

На крыльце Писатель оглядывается и возвращается к двери.

ПИСАТЕЛЬ. Тьфу, черт, сигареты забыл купить.

Профессор его останавливает.

ПИСАТЕЛЬ. А?

ПРОФЕССОР. Не возвращайтесь, не надо.

ПИСАТЕЛЬ. А что?

ПРОФЕССОР. Нельзя.

ПИСАТЕЛЬ. Вот вы все такие.

ПРОФЕССОР. Какие?

ПИСАТЕЛЬ. Верите во всякую чепуху. Придется оставить на черный день. (Уходят из кадра.) И вы действительно ученый?

Сталкер выходит из бара.

Видимо, "лендровер" стоит где-то неподалеку; улица грязная, запруженная лужами. Писатель и Профессор идут к машине; шлепая по лужам, к

ним подбегает Сталкер. Они садятся в машину, вспыхивают фары, и "лендровер" едет по таким же грязным проулкам, со скрежетом сворачивает в какие-то ворота и резко тормозит.

Сталкер выскакивает из машины и падает на землю.

СТАЛКЕР. Ложись! Не двигайтесь!

Профессор и Писатель пригибаются, так что их не видно из-за низких бортов.

Вдали показывается мотоциклист - подъезжает, и становится видно, что это полицейский. Он удаляется, Сталкер возвращается в машину, разворачивает ее и уезжает.

"Лендровер" останавливается у раскрытых ворот какого-то помещения - по-видимому, склада.

СТАЛКЕР. Посмотрите, там никого нет? (Писатель выходит из машины, убегает а ворота, оглядывается.) Да быстрее вы, ради Бога!

ПИСАТЕЛЬ. Никого нет.

СТАЛКЕР. Идите к тому выходу!

"Лендровер" уезжает. Сквозь ворота видно, что следом за ним проходит тепловоз. У противоположного выхода Писатель садится в машину, и тут же Сталкер замечает, что мотоциклист снова показался в проулке.

СТАЛКЕР. Ну что же вы, Писатель!..

Он останавливает машину, отъезжает назад - полицейский мотоциклист выезжает на улицу, и Сталкер ведет "лендровер" дальше.

Ворота, перегораживающие железнодорожные пути, - по-видимому, где-то совсем рядом, на той же улице. Железнодорожник открывает проволочные ворота, пропуская тепловоз с платформами, груженными огромными изоляторами. Вплотную за ним проскакивает "лендровер" - железнодорожник смотрит ему вслед, закрывает ворота и убегает.

По улице проезжает полицейский мотоциклист.

Полутемный подвал. "Лендровер" въезжает в него, Сталкер выходит из машины.

СТАЛКЕР. Поглядывайте здесь, пожалуйста.

Он пробирается внутрь, к окну, и видит, как от ворот убегает железнодорожник.

СТАЛКЕР. Вы канистру не забили?

ПРОФЕССОР. Здесь, полная. (Идет к другому окну.)

Писатель, сидя в машине, продолжает разговор с Профессором.

ПИСАТЕЛЬ. Вот я давеча говорил вам... Вранье все это. Плевал я на вдохновение. А потом, откуда мне знать, как назвать то... чего я хочу? И откуда мне знать, что на самом-то деле я не хочу того, чего я хочу? Или, скажем, что я действительно не хочу того, чего я не хочу? Это все какие-то неуловимые вещи: стоит их назвать, и их смысл исчезает, тает, растворяется... как медуза на солнце. Видели когда-нибудь? Сознание мое хочет победы вегетарианства во всем мире, а подсознание изнывает по кусочку сочного мяса. А чего же хочу я?

Профессор слушает, стоя у окна.

ПИСАТЕЛЬ. Я...

ПРОФЕССОР. Да мирового господства...

СТАЛКЕР. Тихо!

ПРОФЕССОР. ...по меньшей мере. А зачем в Зоне тепловоз?

СТАЛКЕР. Он заставу обслуживает. Дальше он не пойдет. Они туда не любят ходить.

Застава на железнодорожных путях - шлагбаум, два здания по сторонам пути, прожектора. По путям пробегает полицейский. Слышны голоса.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Все по местам! Все на местах?

ВТОРОЙ ГОЛОС. Дежурные пришли. И пусть телевизор выключат.

Шлагбаум открывается. В пространство заставы въезжает тепловоз с платформами; полицейские окружают и осматривают состав.

Сталкер видит это через окно - бежит к машине.

СТАЛКЕР. Скорей!

"Лендровер" выезжает из подвала, визжа тормозами на повороте.

Состав уходит с заставы через ворота; машина Сталкера проскакивает за ним и сейчас же сворачивает в сторону. Полицейские открывают огонь, воеет сирена. Пули крошат фарфоровые изоляторы на платформе, срезают с фонарного столба консоль с проводами.

"Лендровер" выезжает из какого-то укрытия во двор. Стрельба продолжается, во дворе рушатся ящики, вылетает оконная рама.

Машина останавливается у развалин - из земли торчат остатки стен, пространство между ними залито водой.

СТАЛКЕР. Послушайте, идите посмотрите, там есть на путях дрезина?

ПИСАТЕЛЬ. Какая дрезина?

СТАЛКЕР. Идите, идите...

Писатель выходит из машины и идет вперед. Выстрелы. Пули падают поблизости, и Писатель в испуге валится на траву.

ПРОФЕССОР. Идите назад, я сам.

Профессор проходит мимо Писателя и осторожно идет дальше, вдоль огромной лужи. Автоматные очереди; пули бьют в воду.

На железнодорожной насыпи стоит дрезина. Шлепая по воде, Профессор подходит к ней, освобождает тормоз, пробует, свободны ли колеса, и машет рукой. Подъезжает "лендровер".

СТАЛКЕР. Канистру!

ПИСАТЕЛЬ. Тыфу ты, черт... (достаёт канистру).

Сталкер и Писатель, задыхаясь, пробираются к дрезине. Писатель тащит канистру.

СТАЛКЕР. Давайте!

Профессор кладет в дрезину канистру и свой рюкзачок.

ПИСАТЕЛЬ. Да бросьте вы свой рюкзак наконец! Он же мешает.

ПРОФЕССОР. Это вы, я гляжу, налегке, как на прогулку.

Выстрелы. Пули попадают в воду рядом с дрезиной.

СТАЛКЕР. Если кого-нибудь заденет, не кричать, не метаться: увидят - убьют... Потом, когда все стихнет, ползайте... назад к заставе. Утром подберут.

Сталкер заводит мотор дрезины, и они уезжают.

Дрезина тарахтит мимо свалки, мимо каких-то строений.

ПИСАТЕЛЬ. А они нас не догонят?

СТАЛКЕР. Да что вы... Они ее боятся, как огня.

ПИСАТЕЛЬ. Кого?

Долгий путь на дрезине. Писатель дремлет, Профессор угрюм и спокоен, Сталкер напряженно всматривается в окрестности. Только теперь видно, как изуродована его голова, как странно его лицо - это человек, который видел то, чего людям видеть не надо...

Дрезина останавливается на высокой насыпи.

СТАЛКЕР. Ну вот... мы и дома.

ПРОФЕССОР. Тихо как!

СТАЛКЕР. Это самое тихое место на свете. Вы потом сами увидите. Тут так красиво! Тут ведь никого нет...

ПИСАТЕЛЬ. Мы же здесь!

СТАЛКЕР. Ну, три человека за один день не могут здесь все испоганить.

ПИСАТЕЛЬ. Почему не могут? Могут.

СТАЛКЕР. Странно! Цветами почему-то не пахнет. Я... Вы не чувствуете?

ПИСАТЕЛЬ. Болотом воняет - это я чувствую.

СТАЛКЕР. Нет-нет, это рекой. Тут же река... Тут недалеко цветник был. А Дикобраз его взял и вытоптал, с землей сровнял! Но Запах еще долго оставался. Много лет...

ПРОФЕССОР. А зачем он... вытоптал?

СТАЛКЕР. Не знаю. Я тоже его спрашивал: зачем? А он говорит: потом сам поймешь. Мне-то кажется, он просто возненавидел... Зону.

ПИСАТЕЛЬ. А это что, ф-фамилия такая - Дикобраз?

СТАЛКЕР. Да нет. Кличка, так же, как и у вас. Он годами людей в Зону водил, и никто ему не мог помешать. Мой учитель. Он мне глаза открыл. И звали его тогда не Дикобраз, а так и называли - Учитель. А потом что-то с ним случилось, сломалось в нем что-то. Хотя, по-моему, он просто был наказан. Помогите мне. Тут вот гайки, к ним вот эти бинтики надо привязать. А я пройду, пожалуй. Мне тут надо... (Пауза) Только не разгуливайте здесь... очень.

Сталкер отдает Профессору сумку и уходит. Профессор стоя возится с сумкой - спиной к зрителю.

ПИСАТЕЛЬ. Куда это он?

ПРОФЕССОР. Может быть, просто хочет побыть один.

ПИСАТЕЛЬ. Зачем? Здесь и вдвоем-то как-то неудобно.

ПРОФЕССОР. Свидание с Зоной. Он же сталкер.

ПИСАТЕЛЬ. И что из этого следует?

ПРОФЕССОР. Видите ли... Сталкер - в каком-то смысле призвание.

ПИСАТЕЛЬ. Я его другим представлял.

ПРОФЕССОР. Каким?

ПИСАТЕЛЬ. Ну, Кожаные Чулки там, Чингачгуки, Большие Змеи...

ПРОФЕССОР. У него биография пострашней. Несколько раз в тюрьме сидел, здесь калечился. И дочка у него мутант, жертва Зоны, как говорится. Без ног она будто бы.

ПИСАТЕЛЬ. А что там насчет этого... Дикобраза? И что значит "был наказан"? Это что - фигура речи?

ПРОФЕССОР. В один прекрасный день Дикобраз вернулся отсюда и неожиданно разбогател. Немыслимо разбогател.

ПИСАТЕЛЬ. Это что, наказание такое?

ПРОФЕССОР. А через неделю повесился.

ПИСАТЕЛЬ. Почему?

ПРОФЕССОР. Тише!

Слышен странный воющий звук, не живой и не мертвый.

ПИСАТЕЛЬ. Это что еще такое?

Поляна или лесная опушка. В траве валяется что-то металлическое, дерево оплетено паутиной. Вдали видно заброшенное здание.

Сталкер опускается в густую траву ложится ничком, переворачивается на спину.

Профессор сидит на шпале, Писатель стоит рядом.

ПРОФЕССОР. Примерно лет двадцать тому назад здесь будто бы упал метеорит. Спалил дотла поселок. Метеорит этот искали, ну, и, конечно, ничего не нашли.

ПИСАТЕЛЬ. Хм, а почему "конечно"?

ПРОФЕССОР. Потом тут стали пропадать люди. Уходили сюда и не возвращались.

ПИСАТЕЛЬ. Ну?

ПРОФЕССОР (говорит и вяжет бинтики к гайкам). Ну, и наконец решили... что метеорит этот... не совсем метеорит. И для начала... поставили колючую проволоку, чтоб любопытствующие не рисковали. Вот тут-то и поползли слухи, что где-то в Зоне есть место, где исполняются желания. Ну, естественно... Зону стали охранять как зеницу ока. А то мало ли у кого какие возникнут желания.

ПИСАТЕЛЬ. А что же это было, если не метеорит?

ПРОФЕССОР. Ну я ж говорю, не известно.

ПИСАТЕЛЬ. Ну, а сами-то вы что думаете?

ПРОФЕССОР. Да ничего я не думаю. Что угодно. Послание человечеству, как говорит один мой коллега... Или подарок.

ПИСАТЕЛЬ. Ничего себе подарочек. Зачем им это понадобилось?

СТАЛКЕР (за кадром). Чтобы сделать нас счастливыми!

Сталкер взбирается на насыпь, к дрезине.

СТАЛКЕР. А цветы снова цветут, только не пахнут почему-то. Вы

извините, что я вас тут бросил, но идти все равно рано было.

Снова слышен странный звук.

ПИСАТЕЛЬ. О, слышали?

ПРОФЕССОР. А может, это правда, что здесь живут?

СТАЛКЕР. Кто?

ПРОФЕССОР. Ну, вы же сами мне рассказывали эту историю. Ну туристы эти, которые стояли здесь, когда возникла Зона.

СТАЛКЕР. В Зоне никого нет и быть не может. Ну что же, пора...

Сталкер заводит мотор пустой дрезины - с легким постукиванием она уходит в туман. Все смотрят ей вслед.

ПИСАТЕЛЬ. А как же мы вернемся?

СТАЛКЕР. Здесь не возвращаются...

ПИСАТЕЛЬ. В каком смысле?

СТАЛКЕР. Пойдем, как условились. Каждый раз я буду давать направление. Отклоняться от этого направления опасно. Первый ориентир - вон, последний столб. (Показывает.) Идите... Идите первый, Профессор. (Профессор спускается с насыпи.) Теперь вы. (Писатель кричит.) Старайтесь след в след.

Писатель спускается, идет - на довольно большом расстоянии от Профессора. Сталкер смотрит, как они идут.

Ржавый полуразвалившийся автобус, внутри которого как будто человеческие останки. Появляются Сталкер и Профессор, за ними - Писатель. Профессор мельком глядит внутрь автобуса, отворачивается. Писатель смотрит на останки с ужасом.

ПИСАТЕЛЬ. Господи! А где же... Они что, так здесь и остались? Люди?!

СТАЛКЕР. А кто их знает. Помню только, как они грузились у нас на станции, чтобы идти сюда, в Зону. Я еще мальчишкой был. Тогда все думали, что нас кто-то завоевать хочет. Умники... (Кидает гайку, она падает в замусоренную траву.) Давайте вы, Профессор. (Профессор идет.) Вы, Писатель...

Писатель снова с ужасом смотрит в автобус, идет вниз. Сталкер - за ним. Перед ними поле, на котором разбросана полусгнившая военная техника: танки, бронетранспортеры... Писатель поднимает гайку. Подходит Профессор, они смотрят куда-то.

СТАЛКЕР. Вон там и есть ваша Комната. Нам туда.

ПИСАТЕЛЬ. Что же вы, цену набивали? Это же рукой поспать!

СТАЛКЕР. Да, но рука должна быть о-очень длинной. У нас такой нет. (Кидает гайку а другую сторону.)

Гайка падает в траву. Очень осторожно подходит Профессор, поднимает гайку. За ним флангирующим шагом, насвистывая, идет Писатель. Подойдя к Профессору, нагибается, дергает деревцо и свистит еще громче.

СТАЛКЕР (испуганно). Оставьте! Нельзя! (Хватает кусок трубы из-под ног.) Не надо... Не трогайте!

Кидает железку - она не попадает в Писателя, но тот пригибается. Сталкер идет к нему и кричит.

СТАЛКЕР. Да не трогайте же вы!

ПИСАТЕЛЬ. Да вы что? Спятели? Вы что?

СТАЛКЕР. Я же говорил, тут не место для прогулок. Зона требует к себе уважения. Иначе она карает.

ПИСАТЕЛЬ. "Карает"!.. Только попробуйте еще раз что-нибудь такое... У вас что, языка нет?

СТАЛКЕР. Я же просил!

ПРОФЕССОР. Нам туда?

СТАЛКЕР. Да, подняться, войти и... сразу налево. Только мы здесь не пойдем. Мы пойдем кругом.

ПИСАТЕЛЬ. Это еще зачем?

СТАЛКЕР. Здесь не ходят. В Зоне вообще прямой путь не самый... короткий. Чем дальше, тем меньше риска.

ПИСАТЕЛЬ. Ну, а если напрямик - это что, смертельно?

ПРОФЕССОР. Ведь вам же сказали, что это опасно.

ПИСАТЕЛЬ. А в обход не очень?

СТАЛКЕР. Тоже опасно, конечно, но я же говорю: здесь не ходят.

ПИСАТЕЛЬ. Да мало ли кто где не ходит. Ну, а если я все-таки...

ПРОФЕССОР. Послушайте, вы... что...

ПИСАТЕЛЬ. Тащиться куда-то в обход! А здесь все перед носом. И здесь риск, и там риск. Какого черта!

СТАЛКЕР. Знаете, вы очень легкомысленно к этому относитесь.

ПИСАТЕЛЬ. Надоели все эти гайки с бинтиками. Ну их! Вы как хотите, а я пойду!

ПРОФЕССОР. Да он просто невменяем!

ПИСАТЕЛЬ. Сами вы, знаете ли... (Суетливо достает бутылку.)

СТАЛКЕР (очень вежливо). Можно мне?..

Писатель отдает ему бутылку. Сталкер отходит в сторону.

СТАЛКЕР. Ветер поднимается... чувствуете? Трава...

Выливает спиртное из бутылки и ставит ее на бетонную плиту.

ПИСАТЕЛЬ. Ну что ж, тогда тем более.

ПРОФЕССОР. Что "тем более"?

Профессор и Писатель трогаются с места. Профессор идет чуть впереди, поглядывает на Писателя, будто хочет что-то сказать, но не решается.

Сталкер догоняет их, берет Писателя за плечо.

СТАЛКЕР. Пойдите!

ПИСАТЕЛЬ. Да уберите вы руки!

СТАЛКЕР. Хорошо. Пусть тогда Профессор будет свидетелем, я вас туда не посылал. Вы сами идете, по доброй воле...

ПИСАТЕЛЬ. Сам и по доброй. Что еще?

СТАЛКЕР (очень мягко). Ничего. Идите. (Писатель идет.) И дай Бог, чтобы вам повезло.

Писатель отходит на порядочное расстояние. Сталкер кричит.

СТАЛКЕР. Послушайте! Если в-вы вдруг что-то заметите или даже только почувствуете, что-то особое, немедленно возвращайтесь. Иначе...

ПИСАТЕЛЬ. Только не кидайте мне железки в затылок.

Писатель медленно идет к зданию. Останавливается, оглядывается, очень медленно двигается дальше. Поднимается ветер.

ГОЛОС (за кадром). Стойте! Не двигайтесь!

Сталкер и Профессор смотрят в сторону здания.

Сталкер взбирается на каменную плиту, оглядывается на Профессора.

СТАЛКЕР. Зачем вы?

ПРОФЕССОР. Что "зачем"?

СТАЛКЕР. Зачем вы его остановили?

ПРОФЕССОР. Как? Я думал, это вы...

Писатель еще некоторое время стоит, потом поспешно, задышав, бежит обратно.

ПИСАТЕЛЬ. Что случилось? Зачем вы меня остановили?

СТАЛКЕР. Я вас не останавливал.

ПИСАТЕЛЬ (Профессору). А кто? Вы? (Профессор пожимает плечами.) Черт его знает...

ПРОФЕССОР. А вы молодец, гражданин Шекспир. Вперед идти страшно, назад совестно. Вот и скомандовал сам себе не своим голосом. Даже отрезвел со страху.

ПИСАТЕЛЬ. Что-что?

СТАЛКЕР. Прекратите.

ПИСАТЕЛЬ. З-зачем вы мою бутылку вылили?

СТАЛКЕР (кричит). Прекратите, я требую наконец! (Уходит в сторону).

Зона - это... очень сложная система... ловушек, что ли, и все они смертельны. Не знаю, что здесь происходит в отсутствие человека, но стоит тут появиться людям, как все здесь приходит в движение. Бывшие ловушки исчезают, появляются новые. Безопасные места становятся непроходимыми, и путь делается то простым и легким, то запутывается до невозможности. Это - Зона. Может даже показаться, что она капризна, но в каждый момент она такова, какой мы ее сами сделали... своим состоянием. Не скрою, были случаи, когда людям приходилось возвращаться с полдороги, не солоно хлебавши. Были и такие, которые... гибли у самого порога Комнаты. Но все, что здесь происходит, зависит не от Зоны, а от нас!

ПИСАТЕЛЬ. Хороших она пропускает, а плохим - отрывает головы...

СТАЛКЕР. Н-нет, не знаю. Не уверен. Мне-то кажется, что пропускает она тех, у кого... надежд больше никаких не осталось. Не плохих или хороших, а... несчастных? Но даже самый несчастный гибнет здесь в три счета, если не умеет себя вести! Вам повезло, вас она предупредила, а

могла бы и не предупредить!..

ПРОФЕССОР. А вы знаете, я вас, пожалуй, здесь подожду, пока вы назад не пойдете. Осчастливленные. (Снимает рюкзак, садится.)

СТАЛКЕР. Это невозможно!

ПРОФЕССОР. Уверяю вас, у меня с собой бутерброды, термос...

СТАЛКЕР. Во-первых, без меня вы здесь и часа не выдержите.

ПРОФЕССОР. А во-вторых?

СТАЛКЕР. А во-вторых, здесь не возвращаются тем путем, каким приходят.

ПРОФЕССОР. И все-таки я предпочел бы...

СТАЛКЕР. Тогда мы все вместе немедленно идем обратно. Деньги я вам верну. Разумеется, за вычетом некоторой суммы. За... ну, за беспокойство, что ли...

ПИСАТЕЛЬ. Отрезвели, а, Профессор?

ПРОФЕССОР. Ладно. (Встает, надевает рюкзак.) Бросайте вашу гайку.

Сталкер бросает гайку. Профессор идет вперед, за ним - Писатель и Сталкер. Невдалеке кукует кукушка.

Титры второй серии. За титрами Сталкер - оглядывается идет вперед.

Сталкер стоит у здания - очевидно, того, к которому они пробирались. Кукушка слышна громче.

СТАЛКЕР. Эй! Где вы там? Идите сюда!

Писатель лежит на камнях, Профессор сидит рядом с ним.

СТАЛКЕР. Вы что, устали?

Профессор встает с кряхтением, видно, что он очень устал.

ПИСАТЕЛЬ. О, Господи! Опять, кажется, наставления будет читать... Судя по тону...

Слышен грохочущий и булькающий звук. Вода в канализационном колодце поднимается столбом, бурлит, постепенно успокаивается. В это время за кадром голос Сталкера.

СТАЛКЕР. Пусть исполнится то, что задумано. Пусть они поверят. И пусть посмеются над своими страстями; ведь то, что они называют страстью, на самом деле не душевная энергия, а лишь трение между душой и внешним миром. А главное, пусть поверят в себя и станут беспомощными, как дети, потому что слабость велика, а сила ничтожна...

Сталкер пробирается по карнизу стены - видимо, плотины. Продолжается его внутренний монолог.

СТАЛКЕР. Когда человек рождается, он слаб и гибок, когда умирает, он крепок и черств. Когда дерево растет, оно нежно и гибко, а когда оно сухо и жестко, оно умирает. Черствость и сила спутники смерти, гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому что отвердело, то не победит. (Спускается внутрь здания, говорит вслух.) Идите сюда! (Появляются Писатель и Профессор.) Очень неплохо мы идем. Скоро будет "сухой тоннель", а там уж легче.

ПИСАТЕЛЬ. Смотрите, не сглазьте.

ПРОФЕССОР. Мы что, уже идем?

СТАЛКЕР. Конечно, а что?

ПРОФЕССОР. Подождите! Я думал, что вы... что вы только хотите нам что-то показать! А как же мой рюкзак?

СТАЛКЕР. А что случилось с рюкзаком?

ПРОФЕССОР. Как "что случилось"? Я его там оставил! Я ж не знал, что мы идем!

СТАЛКЕР. Теперь уж ничего не поделаешь.

ПРОФЕССОР. Нет, что вы. Надо вернуться.

СТАЛКЕР. Это невозможно!

ПРОФЕССОР. Да я не могу без рюкзака!

СТАЛКЕР. Здесь не возвращаются! Поймите, еще никто здесь той же дорогой не возвращался!

Профессор растерянно оглядывается.

ПИСАТЕЛЬ. Да плюньте вы на этот рюкзак. Что у вас там - бриллианты?

СТАЛКЕР. Вы забили, куда идете. Комната даст вам все, что захотите.
ПИСАТЕЛЬ. Действительно. Сверх головы закидает рюкзаками.
ПРОФЕССОР. А далеко до этой Комнаты?
СТАЛКЕР. По прямой - метров двести, да только здесь не бывает прямых, вот в чем беда... Идемте.
Идут к выходу.
ПИСАТЕЛЬ. Оставьте свой ползучий эмпиризм, Профессор. Чудо вне эмпирики. Вспомните, как чуть не утонул святой Петр.
Сталкер останавливается над чем-то - мы не видим, над чем, и роняет туда гайку. Всплеск.
СТАЛКЕР. Идите, Писатель.
ПИСАТЕЛЬ. Куда идти?
СТАЛКЕР. Вот по этой лестнице. (Писатель уходит.) Профессор, где вы?
Сталкер выходит к лестнице. Внизу река.
Сталкер и Писатель оглядываются. Перед ними - выход из тоннеля, потоки воды, с грохотом падающие с плотины. Сталкер и Писатель останавливаются.
СТАЛКЕР. Ну вот и "сухой тоннель"!
ПИСАТЕЛЬ. Ничего себе сухой!
СТАЛКЕР. Это местная шутка. Обычно здесь вообще вплавь надо!
Сталкер идет под арку плотины, нащупывая дорогу палкой. Писатель останавливает его.
ПИСАТЕЛЬ. Пойдите, а где Профессор?
СТАЛКЕР. Что?
ПИСАТЕЛЬ. Профессор пропал!
СТАЛКЕР. Профессор! Эй, Профессор! Ну что же вы! Он же за вами шел все время!
ПИСАТЕЛЬ. Отцепился, видимо, и заблудился.
СТАЛКЕР. Да не заблудился он! Он за рюкзаком, наверное, вернулся!
Теперь он не выберется!
Внезапно темнеет.
ПИСАТЕЛЬ. Может, подождем?
СТАЛКЕР. Да нельзя здесь ждать! Здесь каждую минуту все меняется. Придется вдвоем!..

Грохот воды стихает, становится светло. На экране битый кафельный пол, прямо у воды тлеют угли. Слышны голоса.
ПИСАТЕЛЬ. Смотрите, что это? Откуда?
СТАЛКЕР. Я же вам объяснял!
ПИСАТЕЛЬ. Что "объяснял"?
СТАЛКЕР. Это Зона, понимаете? Зона! Идемте скорее, здесь... Идемте!.. Пол залит водой, на нем шприцы, бумага.
Писатель и Сталкер выходят из тоннеля и видят Профессора; он сидит у костра и пьет кофе.
ПИСАТЕЛЬ. Вот и он!
ПРОФЕССОР. Я, разумеется, весьма признателен вам, что вы... Только...
СТАЛКЕР. Как вы сюда попали?
ПРОФЕССОР. Большую часть пути я... прополз на четвереньках.
СТАЛКЕР. Невероятно. Но как вам удалось обогнать нас?
ПРОФЕССОР. Как "обогнать нас"? Я вернулся сюда за рюкзаком.
СТАЛКЕР. За рюк...
ПИСАТЕЛЬ. А откуда здесь наша гайка?
СТАЛКЕР (говорит, задыхаясь). Боже мой, это... это же ловушка! Здесь же Дикобраз специально гайку повесил. Как же Зона нас пропустила? Господи, да я теперь шаг не сделаю, пока... Хорошенькое дело. Все! Отдых! (Пошатываясь, обходит костер Профессора.) Только держитесь подальше от этой гайки, на всякий случай. Я уже грешным делом думал, что Профессор не выберется. Я ведь... (кашляет) я ведь никогда не знаю заранее, каких людей я веду. Все выясняется только здесь, когда уже поздно бывает.
Пока он говорит, Писатель отходит в сторону. Профессор заливает костер.
ПИСАТЕЛЬ. Мы-то ладно, главное - профессорский мешок с подштанниками цел остался!
ПРОФЕССОР. Ну и не суйте свой нос в чужие подштанники, если не

понимаете.

ПИСАТЕЛЬ. А что тут понимать, собственно? Подумаешь, бином Ньютона...

Писатель ложится на крошечном сухом островке у берега канала.

ПИСАТЕЛЬ. Тоже мне - психологические бездны. В институте мы на плохом счету, средств на экспедицию нам не дают. Эх.. набыем-ка мы наш рюкзак всякими манометрами-дерммометрами, проникнем в Зону нелегально... И все здешние чудеса поверим алгеброй.

Профессор приваливается к пологой стене.

ПИСАТЕЛЬ. Никто в мире про Зону понятия не имеет. И тут, конечно, сенсация! Телевидение, поклонницы кипятком пишут, лавровые венки несут...

Сталкер ложится на камни, кашляет.

ПИСАТЕЛЬ. ...появляется наш Профессор весь в белом и объявляет: мене-мене, текел, упарсин. Ну, натурально, все разевают...

Профессор лежит, поджав ноги.

ПИСАТЕЛЬ. ...рты, хором кричат: Нобелевскую ему!..

ПРОФЕССОР. Писателишка вы задрипанный, психолог доморощенный. Вам бы стены в сортирах расписывать, трепло бездарное.

ПИСАТЕЛЬ. Вяло. Вяло! Не умеете!..

По воде бежит собака. Останавливается.

ПИСАТЕЛЬ. Не знаете вы, как это делается.

ПРОФЕССОР. Ну хорошо. Я иду за Нобелевской премией, ладно. А вы за чем поспешаете? Хотите одарить человечество...

Сталкер лежит на камнях ничком, опустив голову на руку.

ПРОФЕССОР. ...перлами своего покутного вдохновения?

ПИСАТЕЛЬ. Плевал я на человечество. Во всем вашем человечестве...

Вода - виден бинт, осколок зеркала, рука Сталкера. Сталкер поворачивает лицо к говорящим.

ПИСАТЕЛЬ. ...меня интересует только один человек. Я то есть. Стою я чего-нибудь, или я такое же дерьмо, как некоторые прочие.

ПРОФЕССОР. А если вы узнаете, что вы в самом деле...

ПИСАТЕЛЬ. Знаете что, господин Эйнштейн? Не желаю я с вами спорить. В спорах рождается истина, будь она проклята. Послушайте, Чингачгук...

Сталкер лежит с закрытыми глазами.

ПИСАТЕЛЬ. ...ведь вы приводили сюда множество людей...

СТАЛКЕР. Не так много, как бы мне хотелось..

ПИСАТЕЛЬ. Ну-у, все равно, не в этом дело... Зачем они сюда шли? Чего они хотели?

СТАЛКЕР. Скорей всего, счастья.

ПИСАТЕЛЬ. Ну да, но какого именно счастья?

СТАЛКЕР. Люди не любят говорить о сокровенном И потом, это ни вас не касается, ни меня.

ПИСАТЕЛЬ. В любом случае вам повезло А я вот за всю жизнь не видел ни одного счастливого человека.

Сталкер открывает глаза, поворачивает к нему голову.

СТАЛКЕР. А я тоже. Они возвращаются из Комнаты, я веду их назад, и больше мы никогда не встречаемся. Ведь желания исполняются не мгновенно.

ПИСАТЕЛЬ. А сами вы никогда не хотели этой комнаткой, э... попользоваться? А?

СТАЛКЕР. А... а мне и так хорошо.

К Сталкеру подбегает собака, ложится у его согнутых ног. Сталкер отворачивается. В воде рядом с ним бронзовый сосудик, кусок обгорелой газеты.

Писатель лежит, подложив под голову руку. Говорит, постепенно засыпая.

ПИСАТЕЛЬ. Профессор, послушайте.

ПРОФЕССОР. Ну?

ПИСАТЕЛЬ. Я вот все насчет покутного вдохновения. Положим, войду я в эту Комнату и вернусь в наш Богом забытый город гением. Вы следите?.. Но ведь человек пишет потому, что мучается, сомневается. Ему все время надо доказывать себе и окружающим, что он чего-нибудь да стоит. А если я буду знать наверняка, что я - гений? Зачем мне писать тогда? Какого рожна? А вообще-то я должен сказать, э, существуем мы для того, чтобы...

ПРОФЕССОР. Сделайте любезность, ну оставьте вы меня в покое! Ну дайте мне хоть подремать немного. Я ж не спал сегодня всю ночь. Оставьте свои

комплексы при себе.

ПИСАТЕЛЬ. Во всяком случае, вся эта ваша технология... все эти домны, колеса... и прочая маета-суета - чтобы меньше работать и больше жрать - все это костыли, протезы. А человечество существует для того, чтобы создавать... произведения искусства... Это, во всяком случае, бескорыстно, в отличие от всех других человеческих действий. Великие иллюзии... Образы абсолютной истины... Вы меня слушаете, Профессор?

ПРОФЕССОР. О каком бескорыстии вы говорите? Люди еще с голоду мрут. Вы что, с Луны свалились?

Профессор лежит с закрытыми глазами.

ПИСАТЕЛЬ. И это наши мозговые аристократы! Вы же абстрактно мыслить не умеете.

ПРОФЕССОР. Уж не собираетесь ли вы учить меня смыслу жизни? И мыслить заодно?

ПИСАТЕЛЬ. Бесполезно. Вы хоть и Профессор, а темный.

На экране река, покрытая плотной желтоватой пеной. Ветер гонит над рекой хлопья пены, колышет камыши. Сталкер лежит с открытыми глазами и слышит голос своей жены.

ЖЕНА. И вот произошло великое землетрясение, и Солнце стало мрачно, как власяница, и Луна сделалась, как кровь...

Сталкер спит.

ЖЕНА. ...И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих... (Смеется.) И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и скройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто сможет устоять? (Смех.)

Вода. В ней видны шприцы, монеты, картинки, бинт, автомат, листок календаря. Рука Сталкера в воде.

На бетонной площадке лежит собака. Собака встает.

Сталкер спит, тяжело дыша во сне. Просыпается и садится.

СТАЛКЕР (шепчет). В тот же день двое... из них...

Профессор и Писатель спят рядом друг с другом.

СТАЛКЕР (шепчет). ...шли в селение отстоящее стадий на шестьдесят... (неразборчиво) называемое... (неразборчиво) и разговаривали между собой о всех сих событиях, и когда они разговаривали и рассуждали между собой... (неразборчиво) и Сам, приблизившись, пошел с ними, но глаза их были удержаны (Писатель просыпается, смотрит на Сталкера), так что они не узнали Его. Он же сказал, о чем это вы (вздыхает) все рассуждаете между собой и отчего вы печальны. Один из них, именем...

Профессор лежит с открытыми глазами и внимательно смотрит на Сталкера.

Взгляд Сталкера обращен на воду, потом на Писателя и Профессора, потом Сталкер снова отворачивается.

СТАЛКЕР. Проснулись? Вот вы говорили о смысле...

Мох, камни, неподвижная вода в реке.

СТАЛКЕР. ...нашего... жизни... бескорыстности искусства... Вот, скажем, музыка... Она и с действительностью-то менее всего связана, вернее, если и связана, то безыдейно, механически, пустым звуком... Без... Без ассоциаций... И тем не менее музыка каким-то чудом проникает в самую душу! Что же резонирует в нас в ответ на приведенный к гармонии шум? И превращает его для нас в источник высокого наслаждения...

Профессор и Писатель сидят рядом с ним и слушают.

СТАЛКЕР. ...И потрясает? Для чего все это нужно? И, главное, кому? Вы ответите: никому. И... И ни для чего, так. "Бескорыстно". Да нет... вряд ли... Ведь все, в конечном счете, имеет свой смысл... И смысл, и причину...

Темнеет. Слышен странный шум. Сталкер и двое других стоят у входа в подземный коридор - у металлической двери, какие бывают в бомбоубежищах.

ПИСАТЕЛЬ. Хм, это что же - туда идти?

СТАЛКЕР. Э... к сожалению... другого пути нет.

У открытой двери стоят Профессор и Писатель, за ними Сталкер.

ПИСАТЕЛЬ. Как-то тускло, а, Профессор? Тут мне как-то идти первым нежелательно, Большой Змей добровольцем не бывает...

СТАЛКЕР. Простите, видимо, надо тащить жребий. Вы не против?

ПИСАТЕЛЬ. Нет, здесь я все-таки предпочел бы добровольца.

СТАЛКЕР. У вас спички есть? (Профессор достает спички, отдает их Сталкеру.) Спасибо... Пойдет длинная. (писатель тащит спичку.) Длинная... На этот раз не повезло.

ПИСАТЕЛЬ. Вы бы хоть гаечку туда бросили, что ли.

СТАЛКЕР. Конечно... Пожалуйста...

Подбирает большой камень, бросает - и сразу захлопывает дверь. Открывает дверь и смотрит туда.

СТАЛКЕР. Еще?

ПИСАТЕЛЬ. Ладно... Иду...

ЭХО. И... ду...

Писатель идет по коридору. Он проходит несколько шагов. Глядя на него, Сталкер отодвигает Профессора от двери и отходит сам. Писатель скрывается за поворотом.

СТАЛКЕР. Быстрее, Профессор!

Профессор впереди и Сталкер за его спиной перебегают по коридору. Сверху течет вода.

Писатель испуганно оглядывается. Профессор и Сталкер останавливаются и выглядывают из-за угла коридора. Писатель медленно, хрипло дыша, идет дальше. Спотыкается, падает. Сталкер идет, прячась за спиной Профессора. Они тоже останавливаются. Писатель опять идет дальше, так же медленно и тяжело. Те двое делают еще перебежку. Писатель, задыхаясь, идет по битому стеклу. Останавливается, кричит.

ПИСАТЕЛЬ. Здесь... Здесь дверь какая-то!

ЭХО. Здесь дверь какая-то...

Профессор и Сталкер подбегают, выглядывают из-за поворота.

СТАЛКЕР. Теперь туда! Открывайте дверь и входите!

Писатель смотрит на металлическую дверь. Достает пистолет, взводит курок.

ПИСАТЕЛЬ. Опять я... И входить я...

СТАЛКЕР. Вам же жребий выпал... Идите, тут нельзя долго... Что у вас там?... Тут... Тут нельзя с оружием! Вы же погибнете так и нас погубите! Вспомните танки!. Бросьте, я вас очень прошу!..

ПРОФЕССОР. Вы что, не понимаете?

СТАЛКЕР (Профессору). Тише! (Писателю жалобно-настойчивым голосом.) Если... если что-нибудь случится, я вас вытащу, а так... Ах... Я вас очень прошу! В кого... (Почти плачет.) Ну в кого вы там будете стрелять?

ЭХО. Стрелять...

Писатель бросает пистолет.

СТАЛКЕР. Идите! (ЭХО. Идите...) У нас мало времени!

ПИСАТЕЛЬ (открывая дверь). Тут вода!

За дверью видно затопленное помещение. На противоположной его стороне - железная лестница, поднимающаяся из воды.

СТАЛКЕР. Ничего! Держитесь за поручни и спускайтесь!

Писатель спускается в воду по плечи, проходит несколько шагов и поднимается по лестнице.

СТАЛКЕР. Только не ходите никуда! Ждите наверху, у выхода!

Профессор подходит к двери.

СТАЛКЕР. У вас, надеюсь, ничего такого нет?

ПРОФЕССОР. Чего?

СТАЛКЕР. Н-ну, вроде пистолета?

ПРОФЕССОР. Нет, у меня на крайний случай ампула.

СТАЛКЕР. Какая ампула?

ПРОФЕССОР. Ну ампула зашита, яд.

СТАЛКЕР. Боже мой! Вы что же, умирать сюда пришли?

ПРОФЕССОР (начинает спускаться по лестнице). А-а... Это так, на всякий случай ампула.

Профессор идет по воде, держа рюкзак над головой. Сталкер смотрит вниз. На камнях лежит пистолет. Сталкер осторожно толкает его в воду.

СТАЛКЕР. Писатель! Назад! Да вернитесь же, самоубийца! Я ж вам сказал, ждать у входа! Стойте! Не двигайтесь!

Писатель проходит дальше, оглядывается. Виден обширный зал,

засыпанный песком.

У входа в зал показываются Профессор и Сталкер. Сталкер кидает гайку, и они оба бросаются на песок.

Гайка медленно прыгает по песчаным барханам.

Писатель закрывает лицо ладонью.

Над леском летит большая птица. За ней - вторая; садятся на бархан.

Профессор поднимает голову и смотрит на Писателя.

ПРОФЕССОР. Это все ваша труба!

СТАЛКЕР. Что?

ПРОФЕССОР. Ничего! Вам бы по ней первому! Вот он и полез не туда - с перепугу.

Они снова прячутся за барханом.

Писатель лежит в луже. С трудом встает, с него льется вода, садится на край колодца, кашляет. Встает, берет камень и бросает его в колодец. (Гудящий звук.) Сидит на краю колодца.

ПИСАТЕЛЬ. Вот еще... эксперимент. Эксперименты, факты, истина в последней инстанции. Да фактов вообще не бывает, а уж здесь и подавно. Здесь все кем-то выдуманно. Все это чья-то идиотская выдумка. Неужели вы не чувствуете?.. А вам, конечно, до разреза нужно знать, чья. Да почему? Что толку от ваших знаний? Чья совесть от них заболит? Моя? У меня нет совести. У меня есть только нервы. Обругает какая-нибудь сволочь - рана. Другая сволочь похвалит - еще рана. Душу вложишь, сердце свое вложишь - сожрут и душу, и сердце. Мерзость вынешь из души - жрут мерзость. Они же все поголовно грамотные, у них у всех сенсорное голодание. И все они клубятся вокруг - журналисты, редакторы, критики, бабы какие-то непрерывные. И все требуют: "Давай! Давай!.." Какой из меня, к черту, писатель, если я ненавижу писать. Если для меня это мука, болезненное, постыдное занятие, что-то вроде выдавливания геморроя. Ведь я раньше думал, что от моих книг кто-то становится лучше. Да не нужен я никому! Я сдохну, а через два дня меня забудут и начнут жрать кого-нибудь другого. Ведь я думал переделать их, а переделали-то меня! По своему образу и подобию. Раньше будущее было только продолжением настоящего, а все перемены маячили где-то там, за горизонтами. А теперь будущее слилось с настоящим. Разве они готовы к этому? Они ничего не желают знать! Они только жр-р-ут!

Вдали от Писателя стоят Профессор и Сталкер.

СТАЛКЕР. Ну и везет же вам! Боже мой... да теперь... Теперь вы сто лет жить будете!

ПИСАТЕЛЬ. Да, а почему не вечно? Как Вечный Жид?

Писатель встает и идет к ним, поднимая пыль.

По-видимому, помещение за песчаным залом. Наверно, здесь была лаборатория. Все страшно запущенное, полуразрушенное. Комната рядом затоплена, в воде лежат и плавают колбы.

СТАЛКЕР. Вы, наверное, прекрасный человек! Я, правда, и не сомневался почти, но все же вы такую муку выдержали! Эта труба страшное место! Самое страшное... в Зоне! У нас его называют "мясорубкой", но это хуже любой мясорубки! Сколько людей здесь погибло! И Дикобраз брата тут... подложил. (Подходит к окну.) Такой был тонкий, талантливый... Вот послушайте:

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.
Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало.

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Все горело светло,

Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт как стекло,
Только этого мало.
[Стихи Арсения Тарковского]

Хорошо, правда? Это его стихи.

ПИСАТЕЛЬ. Что ты все юлишь? Что ты суетишься? Хорошо?..

СТАЛКЕР. Я просто...

ПИСАТЕЛЬ. Смотреть тошно!

СТАЛКЕР. Вы не представляете с-себе, как я рад! Это ведь не часто бывает, чтобы все дошли, кто вышел. А вы правильно вели себя! Вы - хорошие, добрые, честные люди, и я горжусь тем, что не ошибся.

ПИСАТЕЛЬ. Он, видите ли, рад до смерти, что все хорошо получилось! "Судьба"! "Зона"! Я, видите ли, прекрасный человек! А ты думаешь, я не видел, как ты мне две длинных спички подсунул?

СТАЛКЕР. Нет-нет! Вы не понимаете...

ПИСАТЕЛЬ. Ну конечно, куда мне! Вы меня извините, Профессор, но... я не хочу сказать ничего дурного, но вот этот гнус почему-то вас выбрал своим любимчиком...

СТАЛКЕР. Зачем вы так!

ПИСАТЕЛЬ. А меня...

Вбегает собака.

ПИСАТЕЛЬ. ...как существо второго сорта, сунул в эту трубу! "Мясорубка"! Слово-то какое! Да какое ты право имеешь решать, кому жить, а кому в "мясорубки" лезть?!

Залитая водой комната. Посередине на стуле сидит Профессор. Писатель стоит у окна. Рядом садится Сталкер. Звонит телефон.

СТАЛКЕР. Я ничего не выбираю, поверьте! Вы сами выбрали!

ПИСАТЕЛЬ. Что я выбрал? Одну длинную спичку из двух длинных?

СТАЛКЕР. Спички - это ерунда. Еще там, под гайкой, Зона пропустила вас, и стало ясно (звонит телефон) - уж если кому и суждено пройти "мясорубку", так это вам. А уж мы за вами.

Телефон настойчиво звонит.

ПИСАТЕЛЬ. Ну, знаете ли...

СТАЛКЕР. Я никогда сам не выбираю, я всегда боюсь Вы не представляете себе, как это страшно - ошибиться... Но ведь кто-то должен идти первым!

ПИСАТЕЛЬ (снимает трубку). Да! Нет, это не клиника. (Кладет трубку.) Видите ли, "кто-то должен"! Как вам это нравится?

Профессор тянется к телефону.

СТАЛКЕР. Не трогайте!

Профессор берет трубку, набирает номер.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (по телефону). Да?

ПРОФЕССОР. Девятую лабораторию, пожалуйста!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Одну минутку...

Профессор выходит из комнаты с телефоном.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Слушаю.

ПРОФЕССОР. Надеюсь, не помешал?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Что тебе надо?

ПРОФЕССОР. Всего несколько слов. Вы - спрятали, я - нашел, старое здание, четвертый бункер. Ты меня слышишь?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Я немедленно сообщая в корпус безопасности.

ПРОФЕССОР. Угу... Можешь! Можешь сообщать, можешь писать на меня свои доносы, можешь натравливать на меня моих сотрудников, только поздно! Я ведь в двух шагах от того самого места. Ты меня слышишь?

Теперь видно, что у Профессора на пальце обручальное кольцо.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ты понимаешь, что это конец тебе как ученому?

ПРОФЕССОР. Ну так радуйся!

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ты понимаешь, что будет... Что будет, если ты посмеешь.

ПРОФЕССОР. Опять пугаешь? Да, я всю жизнь чего-то боялся. Я даже тебя боялся. Но теперь мне совсем не страшно, уверяю тебя...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Боже мой! Ты ведь даже не Герострат. Ты... Тебе просто всю жизнь хотелось мне нагадить. За то, что двадцать лет назад я переспал с твоей женой, и теперь ты в восторге, что тебе наконец удалось со мной сквитаться. Ладно, иди, делай свою... гнусность. Не смей вешать трубку! Тюрьма - еще не самое страшное, что тебя ожидает. Главное, что ты сам себе никогда не простишь этого. Я знаю... Да я просто вижу, как ты висишь над парашей на собственных подтяжках!

Профессор кладет трубку.

ПИСАТЕЛЬ. Что это вы там такое затеяли, а, Профессор?

ПРОФЕССОР. А вы представляете, что будет, когда в эту самую Комнату поверят все? И когда они все кинутся сюда? А ведь это вопрос времени! (Возвращается в комнату.) Не сегодня, так завтра! И не десятки, а тысячи! Все эти несостоявшиеся императоры, великие инквизиторы, фюреры всех мастей. Этикие благодетели рода человеческого! И не за деньгами, не за вдохновением, а мир переделывать!

СТАЛКЕР. Нет! Я таких сюда не беру! Я же понимаю!

ПРОФЕССОР. Да что вы можете понимать, смешной вы человек! Потом, не один же вы на свете сталкер! Да никто из сталкеров и не знает, с чем сюда приходят и с чем отсюда уходят те, которых вы ведете. А количество немотивированных преступлений растет! Не ваша ли это работа? (Расхаживает по комнате.) А военные перевороты, а мафия в правительствах - не ваши ли это клиенты? А лазеры, а все эти сверхбактерии, вся эта гнусная мерзость, до поры до времени спрятанная в сейфах?

ПИСАТЕЛЬ. Да прекратите вы этот социологический понос! Неужели вы верите в эти сказки?

ПРОФЕССОР. В страшные - да. В добрые - нет. А в страшные - сколько угодно!

ПИСАТЕЛЬ. Да бросьте вы, бросьте! Не может быть у отдельного человека такой ненависти или, скажем, такой любви... которая распространялась бы на все человечество! Ну деньги, баба, ну там месть, чтоб начальника машиной переехало. Ну это туда-сюда. А власть над миром! Справедливое общество! Царство Божье на земле! Это ведь не желания, а идеология, действие, концепции. Неосознанное сострадание еще не в состоянии реализоваться. Ну, как обыкновенное инстинктивное желание.

Сталкер, до того смотревший на Писателя с интересом, встает.

СТАЛКЕР. Да нет. Разве может быть счастье за счет несчастья других?

ПИСАТЕЛЬ. Вот я совершенно ясно вижу, что вы замыслили сокрушить человечество каким-то невообразимым благодеянием. А я совершенно спокоен! И за вас, и за себя, и уж тем более за человечество, потому что ничего у вас не выйдет. В лучшем случае получите вы свою Нобелевскую премию, или, скорей всего, будет вам что-нибудь такое уж совсем несообразное, о чем вы вроде бы и думать не думаете. Телефонное... Мечтаешь об одном, а получаешь совсем другое. (Включает рубильник. Вспыхивает свет.)

СТАЛКЕР. Зачем вы? (Лампочка перегорает.)

ПИСАТЕЛЬ. Телефон... Электричество... (Подбирает коробку с лекарством.) Смотрите, замечательное снотворное. Сейчас такого уже не выпускают. Откуда здесь столько?

СТАЛКЕР. Может быть, пойдём туда? Скоро вечер, темно будет возвращаться.

Профессор выходит из комнаты.

ПИСАТЕЛЬ. Между прочим, я прекрасно вижу, что все эти чтения стихов и хождения кругами есть не что иное, как своеобразная форма принесения извинений. (Выходит из комнаты.) Я вас понимаю. Тяжелое детство, среда... Но вы не обольщайтесь. (Писатель до того вертел в руках то ли ветку, то ли проволоку. Теперь он ее скрутил и надел на голову наподобие тернового венца.) Я вас не прошу!

СТАЛКЕР. А вот этого не надо, я прошу вас... (Выходит из комнаты.)

На полу лежит и скулит собака. В углу у стены два обнявшихся скелета. Открываются и закрываются ставни.

СТАЛКЕР (за кадром). Профессор, подойдите к нам.

Профессор идет от окна к Писателю и Сталкеру по краю затопленного

зала. В воде лежат и плавают колбы.

СТАЛКЕР. Одну минуточку, не надо торопиться.

ПИСАТЕЛЬ. А я и не тороплюсь никуда.

Сталкер отходит от них. Слышно, как поют птицы. Сталкер садится на корточки перед входом куда-то.

СТАЛКЕР. Я знаю, вы будете сердиться... Но все равно я должен сказать вам... Вот мы с вами... стоим на пороге... Это самый важный момент... в вашей жизни, вы должны знать, что... здесь исполнится ваше самое заветное желание. Самое искреннее! Самое выстраданное! (Подходит к ним.) Говорить ничего не надо. Нужно только... сосредоточиться и постараться вспомнить всю свою жизнь. Когда человек думает о прошлом, он становится добрее. А главное... (Пауза. Идет к Комнате.) Главное... верить! Ну, а теперь идите. Кто хочет первым? Может быть, вы? (Писателю.)

ПИСАТЕЛЬ. Я? Нет, я не хочу.

СТАЛКЕР. Я понимаю. Это не так просто. Но вы не беспокойтесь, это сейчас пройдет.

ПИСАТЕЛЬ. Едва ли... это пройдет. Во-первых, если я стану вспоминать свою жизнь, то вряд ли стану добрее. А потом, неужели ты не чувствуешь, как это все... Срамно?... Унижаться, сопли распускать, молиться.

Профессор подходит к рюкзаку, возится с ним.

СТАЛКЕР. А что дурного в молитве? Это вы из гордости так говорите. Вы успокойтесь, вы просто не готовы. Это бывает, довольно часто. (Профессору.) Может быть, раньше вы?

ПРОФЕССОР (подходит к ним). Я... (Возвращается к рюкзаку, достает из него продолговатый предмет.)

ПИСАТЕЛЬ. Уаля! Перед нами новое изобретение профессора Профессора! Прибор для исследования человеческих душ! Душемер!

ПРОФЕССОР. Это всего-навсего бомба.

СТАЛКЕР. Что-что?

ПИСАТЕЛЬ. Шутка...

ПРОФЕССОР. Нет, просто бомба. Двадцать килотонн.

ПИСАТЕЛЬ. Зачем?

Профессор собирает бомбу. Лица его не видно - только руки. Слышится его голос.

ПРОФЕССОР. Мы собрали ее... с друзьями, с бывшими моими... коллегами. Никому, как видно, никакого счастья это место не принесет. (Набирает шифр. Заканчивает сборку.) А если попадет в дурные руки... Впрочем, я теперь уже и не знаю. Нам тогда пришло в голову... что разрушать Зону все-таки нельзя. Если это... Если это даже и чудо - это часть природы, а значит, надежда в каком-то смысле. Они спрятали эту мину... А я ее нашел. Старое здание, четвертый бункер. Видимо, должен существовать принцип... никогда не совершать необратимых действий. Я ведь понимаю, я ведь не маньяк (вздыхает), но пока эта язва здесь открыта для всякой сволочи... ни сна, ни покоя. Или, может быть, сокровенное не позволит? А?

Писатель смотрит на Профессора.

ПИСАТЕЛЬ. Бедняжка, выбрал себе проблемку...

Мимо проходит растерянный Сталкер. Профессор встает и подходит к Сталкеру. Сталкер кидается на Профессора.

СТАЛКЕР. Отдайте!

Он пытается отнять бомбу. Профессор падает, Писатель бросается к Сталкеру, сшибает его с ног. Сталкер падает, встает и снова кидается на Профессора.

СТАЛКЕР. Отдайте!

Писатель ударом сшибает его, он падает в воду.

ПРОФЕССОР (Писателю). Вы же интеллигентный человек!

Сталкер опять кидается на Профессора, Писатель отбрасывает его.

ПРОФЕССОР (Писателю). Зачем вы? Вы что?

ПИСАТЕЛЬ. Ты, лицемерная гнида...

СТАЛКЕР (плачет). За что? За что вы... меня? Он же хочет это уничтожить, он же надежду вашу хочет уничтожить! Отдайте!

Писатель отбрасывает его в сторону. Сталкер встает, всхлипывая и вытирая рот рукой.

СТАЛКЕР. Ведь ничего не осталось у людей на земле больше! Это ведь единственное... единственное место, куда можно прийти, если надеяться больше не на что. Ведь вы же пришли! Зачем вы уничтожаете веру?!

Хочет снова кинуться на Профессора, но Писатель отталкивает его.

ПИСАТЕЛЬ. Да замолчи! Я же тебя насквозь вижу! Плевать ты хотел на людей! Ты же деньги зарабатываешь на нашей... тоске! Да не в деньгах даже дело. Ты же здесь наслаждаешься, ты же здесь царь и Бог, ты, лицемерная гнида, решаешь, кому жить, а кому умереть. Он еще выбирает, решает! Я понимаю, почему ваш брат сталкер сам никогда в Комнату не входит. А зачем? Вы же здесь властью упиваетесь, тайной, авторитетом! Какие уж тут еще могут быть желания!

СТАЛКЕР. Это н-неправда! Неправда! Вы... Вы ошибаетесь! (Стоит на коленях а воде, смывает слезы и кровь с лица, плачет.) Сталкеру нельзя входить в Комнату! Сталкеру... вообще нельзя входить в Зону с корыстной целью! Нельзя; вспомните Дикобраза! Да, вы правы, я - гнида, я ничего не сделал в этом мире и ничего не могу здесь сделать... Я и жене не смог ничего дать! И друзей у меня нет и быть не может, но моего вы у меня не отнимайте! У меня и так уж все отняли - там, за колючей проволокой. Все мое - здесь. Понимаете! Здесь! В Зоне! Счастье мое, свобода моя, достоинство - все здесь! Я ведь привожу сюда таких же, как я, несчастных, замученных. Им... Им не на что больше надеяться! А я могу! Понимаете, я могу им помочь! Никто им помочь не может, а я - гнида (кричит), я, гнида, - могу! Я от счастья плакать готов, что могу им помочь. Вот и все! И ничего не хочу больше. (Плачет.)

Профессор смотрит на Сталкера, отходит к окну, одергивает мокрую куртку. Писатель падает рядом со Сталкером и садится, обняв его.

ПИСАТЕЛЬ. Не знаю. Может быть. Но все равно - ты меня извини, только... Да ты просто юродивый! Ты ведь понятия не имеешь, что здесь делается! Вот почему, по-твоему, повесился Дикобраз?

СТАЛКЕР. Он в Зону пришел с корыстной целью и брата своего загубил в "мясорубке", из-за денег...

ПИСАТЕЛЬ. Это я понимаю. А почему он все-таки повесился? Почему еще раз не пошел - теперь уже точно не за деньгами, а за братом? А? Как раскаялся?

СТАЛКЕР. Он хотел, он... Я не знаю. Через несколько дней он повесился.

ПИСАТЕЛЬ (говорит очень уверенно). Да здесь он понял, что не просто желания, а сокровенные желания исполняются! А что ты там в голос кричишь!..

Все трое сходятся у входа в Комнату. Сталкер садится на пол, опускает лицо в колени.

ПИСАТЕЛЬ. Да здесь то сбудется, что натуре своей соответствует, сути! О которой ты понятия не имеешь, а она в тебе сидит и всю жизнь тобой управляет! Ничего ты, Кожаный Чулок, не понял. Дикобраза не алчность одолела. Да он по этой луже на коленях ползал, брата вымаливал. А получил кучу денег, и ничего иного получить не мог. Потому что Дикобразу - дикобразово! А совесть, душевные муки - это все придумано, от головы. Понял он все это и повесился. (Пауза. Профессор наклоняется к воде, смачивает шею.) Не пойду я в твою Комнату! Не хочу дрянь, которая у меня накопилась, никому на голову выливать. Даже на твою. А потом, как Дикобраз, в петлю лезть. Лучше уж я в своем вонючем писательском особняке сопьюсь тихо и мирно. (Профессор рассматривает бомбу.) Нет, Большой Змей, паршиво ты в людях разбираешься, если таких, как я, в Зону водишь. А потом... э... А откуда ты взял, что это чудо существует на самом деле? (Профессору.) Кто вам сказал, что здесь действительно желания исполняются? Вы видели хоть одного человека, который здесь был бы осчастливлен? А? Может, Дикобраз? Да и вообще, кто вам рассказал про Зону, про Дикобраза, про Комнату эту?

ПРОФЕССОР. Он.

ПИСАТЕЛЬ. Ой!

Споткнувшись, Писатель чуть не падает через порог в Комнату, но Сталкер его удерживает.

Звонит телефон. Профессор разбирает бомбу, бросает детали в воду в разные стороны. Писатель и Сталкер сидят на полу, прижавшись друг к другу.

ПРОФЕССОР. Тогда я вообще ничего не понимаю. Какой же смысл сюда ходить?

Писатель похлопывает Сталкера по плечу. Профессор садится рядом с ними, все еще возится с бомбой.

СТАЛКЕР. Тихо как... Слышите? (Вздыхает.) А что, бросить все, взять жену, Мартышку и перебраться сюда. Никто их не обидит.

Начинается дождь. Профессор бросает в воду последние детали. Они сидят неподвижно. Дождь кончается. Залитый водой кафельный пол. В воде лежат детали и циферблат бомбы. Над ними плавают рыбы. Наплывает большое пятно мазута. Слышен шум проходящего поезда.

У входа в бар жена Сталкера прислоняет к скамейке детские костыли, сажает дочь на скамейку. Потом поднимается на крыльцо, входит в бар.

Писатель и Профессор стоят у столика. За ними - Сталкер. Он кормит собаку. Входит жена Сталкера.

ЖЕНА. Вернулся? (Замечает собаку.) А это откуда?

СТАЛКЕР. Там пристала. Не бросать же ее.

Жена обессиленно садится на подоконник. Через открытую дверь бара видна скамейка, на которой сидит Мартышка.

ЖЕНА (ласково). Ну что, пойдём? Мартышка ждёт. А? Идём?

Идёт к выходу мимо бармена. Бармен грустно смотрит ей вслед. Писатель пьёт пиво. Сталкер бросает взгляд на собаку и тоже направляется к выходу.

ЖЕНА. Вам никому собака не нужна?

ПИСАТЕЛЬ. Х-хе, да у меня таких пять штук дома.

Жена подходит к двери и останавливается. К ней идёт собака.

ЖЕНА. Вы что же, любите собак?

ПИСАТЕЛЬ. Э-э, что?

ЖЕНА. Это хорошо...

К ней подходит Сталкер, отдаёт ей сумку.

СТАЛКЕР. Ладно, пойдём.

Спускаются с крыльца, подходят к двери. Писатель и Профессор смотрят им вслед. Писатель закуривает.

Сталкер несёт дочь на плечах, у жены в руках костыли. Они спускаются по откосу и идут по краю огромной грязной лужи или пруда. Собака бежит следом.

Девочка едет на плечах у отца. У нее замкнутое, невыразительное лицо. Голова замотана красивым и, видимо, дорогим платком.

Комната Сталкера. Жена наливает молоко в миску. Собака громко лакает. Сталкер ложится на пол, вытягивается.

СТАЛКЕР (вздыхает). Если б вы только знали, как я устал! Одному Богу известно! И еще называют себя интеллигентами. Эти писатели! Ученые!

ЖЕНА. Успокойся!

СТАЛКЕР. Они же не верят ни во чтоб У них же... орган этот, которым верят, атрофировался!

ЖЕНА. Успокойся!

СТАЛКЕР. За ненужностью!..

ЖЕНА. Перестань, перестань. Пойдем. Ты ляг. Не надо... Ты ляг, ляг... Тебе здесь сыро... Тебе здесь нельзя...

СТАЛКЕР. Ум-м (кряхтит).

ЖЕНА. Сними...

Сталкер тяжело дышит, вздыхает. Жена помогает ему встать, ведет к постели. Помогает раздеться, укладывает в постель и садится рядом.

СТАЛКЕР. Боже мой, что за люди...

ЖЕНА. Успокойся... Успокойся... Они же не виноваты... Их пожалуй надо, а ты сердисься.

СТАЛКЕР. Ты же видела их, у них глаза пустые.

Жена даёт ему лекарство, гладит его, обтирает лицо платком. Он плачет, отворачивается.

СТАЛКЕР. Они ведь каждую минуту думают о том, чтобы не продешевить, чтобы продать себя подороже! Чтоб им все оплатили, каждое душевное движение! Они знают, что "не зря родились"! Что они "призваны"! Они ведь живут "только раз"! Разве такие могут во что-нибудь верить?

ЖЕНА. Успокойся, не надо... Постарайся уснуть, а?.. Усни...

СТАЛКЕР. И никто не верит. Не только эти двое. Никто! Кого же мне водить туда? О, Господи... А самое страшное... что не нужно это никому. И никому не нужна эта Комната. И все мои усилия ни к чему!

ЖЕНА. Ну, зачем ты так. Не надо. (Обтирает ему лицо.)

СТАЛКЕР. Не пойду я туда больше ни с кем.

ЖЕНА (жалостливо.) Ну... Ну хочешь, я пойду с тобой? Туда? Хочешь?

СТАЛКЕР. Куда?

ЖЕНА. Думаешь, мне не о чем будет попросить?

СТАЛКЕР. Нет... Это нельзя...

ЖЕНА. Почему?

СТАЛКЕР. Нет-нет... А вдруг у тебя тоже ничего... не выйдет.

Жена отходит от него, садится на стул, достает сигареты. Потом идет к окну, присаживается на подоконник, закуривает и говорит, обращаясь к зрителю.

ЖЕНА. Вы знаете, мама была очень против. Вы ведь, наверное, уже поняли, он же блаженный. Над ним вся округа смеялась. А он растяпа был, жалкий такой... А мама говорила: он же сталкер, он же с-смертник, он же вечный арестант! И дети. Вспомни, какие дети бывают у сталкеров... А я... Я даже... Я даже и не спорила... Я и сама про все это знала: и что смертник, и что вечный арестант, и про детей... А только что я могла сделать? Я уверена была, что с ним мне будет хорошо. Я знала, что и горя будет много, но только уж лучше горькое счастье, чем... серая унылая жизнь. (Всхлипывает, улыбается.) А может быть, я все это потом придумала. А тогда он просто подошел ко мне и сказал: "Пойдем со мной", и я пошла. - И никогда потом не жалела. Никогда. И горя было много, и страшно было, и стыдно было. Но я никогда не жалела и никогда никому не завидовала. Просто такая судьба, такая жизнь, такие мы. А если б не было в нашей жизни горя, то лучше б не было, хуже было бы. Потому что тогда и... счастья бы тоже не было, и не было бы надежды. Вот.

Дочь Сталкера сидит на кухне у стола - читает книгу. Она по-прежнему замотана платком. Опускает книгу, начинает безжизненно шевелить губами. Слышен ее голос.

МАРТЫШКА. Люблю глаза твои, мой друг,

С игрой их пламенно-чудесной,

Когда их приподымешь вдруг

И, словно молнией небесной,

Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильнее очарованья:

Глаза, потупленные ниц

В минуты страстного лобзанья,

И сквозь опущенных ресниц

Угрюмый, тусклый огонь желанья.

[Стихотворение Ф.И.Тютчева]

На столе стоит посуда. Мартышка смотрит на нее - и под этим взглядом по столу начинают двигаться... сначала стакан, потом банка... бокал.

Скулит собака. Бокал падает на пол. Девочка ложится щекой на стол.

Грохочет мчащийся поезд. Дребезжат стекла. Музыка все громче, наконец слышно, что это ода "К Радости". Затемнение. Дребезжание стекол.